

Н. И. Костомаров

**Смутное время Московского
государства в начале XVII
столетия**

том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. И. Костомаров**
Смутное время Московского государства в начале XVII столетия: том 3 / Н. И. Костомаров – М.: Книга по Требованию, 2013. – 353 с.

ISBN 978-5-517-88661-3

К концу XVI века Московское государство переживало тяжелое время. Постоянные набеги крымских татар и разгром Москвы в 1571 г.; затянувшаяся Ливонская, длившаяся 25 лет: с 1580-го по 1583-й, достаточно измотавшая силы страны и закончившаяся поражением, так называемые опричные "переборы" и грабежи при царе Иване Грозном, потрясшие и расшатавшие старый уклад жизни и привычные отношения, усилившие общий разлад и деморализацию, постоянные неурожаи и эпидемии. Все это привело в итоге государство к серьезному кризису, так называемому Смутному времени. В своей исторической монографии выдающийся российский историк Н. И. Костомаров рассказывает об эпохе Смуты, о восстановлении Московского государства, которое было общим делом и общим созданием "всех городов и всяких чинов людей всего великого Российского царства". Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1868 года

ISBN 978-5-517-88661-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
ВЪ НАЧАЛѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

Сочиненіе **Н. Н. КОСТОМАРОВА.**

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНІЕ.

Изданіе **Д. Е. Кожанчинова.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи **К. Вульфа.** Литойный пр., д. Зыбиной, № 60.

1868.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
216370
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1901

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКОВСКОЕ РАЗОРЕНЬЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Грамата временнаго правительства.—Партія.—Прибытіе Жолтѣвскаго подъ Москву. — Совѣщанія.—Договоръ объ избраніи Владислава на царство.

Царя Василя Шуйскаго низвели съ престола.

Отъ временнаго правительства, во главѣ котораго былъ Федоръ Ивановичъ Мстиславскій, издана окружная грамата, именемъ всѣхъ сословій Московскаго государства. Въ ней извѣщали о перемѣнѣ правленія; сказано было, что Шуйскаго не любятъ жители украинскихъ городовъ, не обращаются къ нему и не хотятъ служить ему; изъ-за него въ русской землѣ междоусобія, христіанская кровь льется, возсталъ отецъ на сына, сынъ на отца, братъ на брата; враги иноземные терзаютъ государство; король стоитъ подъ Смоленскомъ, воръ подъ Москвою въ Коломенскомъ. Русскіе люди приглашались цѣловать взаимно другъ съ другомъ крестъ на томъ, чтобы защищать свою землю; изъ городовъ слѣдовало прислать въ Москву выборныхъ людей, по человѣку отъ cadaго чина для совѣта. Что касается до будущаго постояннаго правительства, то

указывалось выбрать въ государи всей земли того, кого Богъ дастъ, безъ опредѣленія заранѣе лица *). Нельзя уже было основываться на правѣ наследственномъ: оно было попроно въ лицѣ Шуйскаго. Оставалось право избранія. Имѣли въ виду Владислава; но не смѣли еще назвать его, пока не сойдутся съ поляками.

Между тѣмъ, съ Жолкѣвскимъ велись тайно сношенія. Тотчасъ послѣ взятія Царева-Займища, онъ отиравилъ въ Москву смольнянина Федора Сушелина съ товарищи, съ договоромъ, заключеннымъ въ Царевѣ-Займищѣ, и съ королевскимъ письмомъ. Это было еще до низверженія Шуйскаго. Въ письмѣ своемъ онъ старался очернить царя Василія Шуйскаго и указывалъ на его неспособность. Мстиславскій, посовѣтовавшись съ дворянами, послалъ къ Жолкѣвскому одиннадцать дворянъ Смоленской земли съ грамотой. Въ ней бояре замѣчали, что въ королевскомъ письмѣ не давалось обѣщанія, чтобы Владиславъ крестился въ православную вѣру. Изворотливый Жолкѣвскій тотчасъ же написалъ имъ такой отвѣтъ: «Вѣдь вы видѣли въ письмѣ господаря его милости короля, съ приложеніемъ его руки и печати, что господарь его милость король и господарь его милость королевичъ Владиславъ не нарушатъ вашей православной вѣры греческаго закона и желаютъ сохранить московскіе обычаи ненарушимо, а крещеніе королевича Владислава въ русскую вѣру—дѣло духовное, патріаршее.» Впрочемъ, не ставя избранія Владислава главнымъ дѣломъ, Жолкѣвскій писалъ, что идетъ защищать Москву отъ врага, что король, по своему христіанскому состраданію, хочетъ только укротить междоусобіе и остановить кровопролитіе въ сосѣдней странѣ.

На такое заявленіе ему написали, что въ Москвѣ не тре-

*) Собр. госуд. грам. II, 389.

буютъ помощи, и просили не приближаться къ столицѣ. Жолкѣвскій не обратилъ вниманія на это, шелъ далѣе воинственнымъ образомъ, и явно давалъ понять, что если Москва не принесетъ покорности, благовиднымъ образомъ прося защиты и помощи отъ польскаго войска, то онъ станетъ поступать съ нею по-непріятельски. Сопротивленіе Жолкѣвскому могло только дать временной перевѣсъ вору. Его партія, повидимому, убитая, легко могла возстать и усилиться, именно теперь, когда царя не было, когда правили бояре, и всѣ ожидали поляковъ. Бояре и знатные люди видѣли свою погибель, если бы воръ взялъ верхъ, хотя бы ненадолго. Съ этимъ царемъ черни, гольтъбы, — боярамъ, окольныхчимъ, дворянамъ, гостямъ, всему, что стояло выше другихъ и по породѣ, и по богатству, и по управленію, пришлось бы худо. Конечно, при такой бѣдѣ оставалось боярамъ лучше отдаться полякамъ; по крайней мѣрѣ быть подъ властью иноземнаго принца все же лучше, чѣмъ подъ властью обманщика, и, еще хуже, сдѣлаться жертвою черни. Притомъ же отъ поляковъ все-таки не было бы избавленія. Опираясь на то, что московскіе люди такъ или иначе, а уже изъявили, волею и неволею, желаніе посадить на царство Владислава, поляки не пропустили бы случая овладѣть московскимъ краемъ. Московское государство продолжало бы обливаться кровью. Калужскій воръ могъ имѣть временной успѣхъ, пагубный для знатныхъ людей, но онъ не могъ долго держаться; все-таки, въ концѣ концовъ, Польша покорила бы Московское государство. Нѣкоторые, по старой злобѣ на поляковъ, предлагали обратиться къ шведамъ и избрать на московскій престолъ шведскаго королевича; но эта партія не могла быть въ русской землѣ сильною: шведы были лютеране; въ глазахъ многихъ, они были еще ненавистнѣе для православія, чѣмъ католики; шведы недавно подъ Клушинымъ дурно оправ-

дали надежду на союзъ съ ними и на помощь отъ нихъ; наконецъ, что важнѣе, шведы были далеко, а поляки и Калужскій воръ стоять близко отъ Москвы, и шведы не могли бы спасти столицы. Другіе говорили объ избраніи царя изъ русскихъ родовъ; иные указывали на князя Голицына, иные на Романова. Мстиславскій, казалось, болѣе другихъ имѣлъ права, но онъ мало того, что отказывался отъ престола самъ, да еще порицалъ вообще избраніе царя изъ русскихъ; онъ былъ изъ такихъ, которые боялись, чтобы внезапное возвышеніе одного рода надъ другими не возбудило междоусобія и зависти между родами; лучше, казалось ему, выбрать государя изъ иностранныхъ царствующихъ родовъ. Невелико было число такихъ, что готовы были возвратить престолъ Шуйскому, но на это соглашался, однако, по отвращенію къ иноземцамъ, самъ патріархъ Гермогенъ; это показываютъ писанныя имъ уже послѣ того грамоты, гдѣ онъ увѣщевалъ признать снова царемъ сверженнаго Василя, а если уже нельзя было возвратить вѣнецъ Шуйскому, патріархъ все-таки былъ за то, чтобы его отдать не иноземцу, а своему православному, и склонялся болѣе всего къ избранію въ такомъ случаѣ Василя Голицына. Но противъ мысли объ избраніи царя изъ туземныхъ родовъ сильно говорили обстоятельства: прежде, чѣмъ успѣютъ въ Москвѣ собраться на дѣло избранія, Жолкѣвскій будетъ подъ столицею. Москвѣ, какъ говоритъ пословица, было—куда ни кинь, все клячь. Невзбѣжно приходилось избирать польскаго королевича.

Въ такихъ обстоятельствахъ, Мстиславскій собралъ бояръ и дворянъ за городъ, и началъ представлять необходимость вручить корону Владиславу, но съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ греческую вѣру, а потому послать къ Жолкѣвскому и просить его скорѣе пособить противъ вора. Одни изъ угрожавшихъ Москвѣ враговъ дѣлались ей союзниками и могли из-

бавить ее отъ другихъ враговъ: это уже была выгода. Жолкъвскій подходилъ.

За милю отъ Москвы, на Сѣтуни, 23 іюля утромъ, оставилось польское войско: передовой отрядъ приблизился къ окраинѣ города. Русскіе думали было, что это отрядъ изъ войска вора пробирается на другую сторону города, и начали стрѣлять, но скоро убѣдились, что это не тѣ поляки, что служатъ вору, а другіе, которыхъ звала сторона Мстиславскаго. Тогда изъ польскаго отряда вышли впередъ русскіе; ихъ сейчасъ узнали соотечественники по одеждѣ; то были: Исавъ Салтыковъ, Валуевъ, сдавшійся въ Царевъ-Займищѣ, Мосальскій и другіе. Когда они подошли къ московскимъ людямъ и начали по русскому обычаю цѣловаться, то поляки замѣтили, что они плакали. Но ихъ вѣжныя изліянія прервала тревога въ Москвѣ: съ той стороны, гдѣ стоялъ воръ, поднялся пожарный дымъ: загорѣлся кирпичный заводъ; его зажгли сапѣжынцы; пожаръ распространился по предмѣстью, и подъ такую суматоху воровское войско шло на приступъ къ столицѣ. Мстиславскій обратилъ силы противъ этого нападенія, которое, казалось, было сдѣлано съ расчетомъ на то, что Жолкъвскій, хотя и не для однихъ цѣлей, а будетъ невольно оказывать помощь вору, и хотя и во имя Владислава, а все-таки нападетъ на Москву, на которую нападаетъ воръ. Самъ Мстиславскій пришелъ въ недоумѣніе и послалъ къ Жолкъвскому сына боярскаго, Ѳедора Телушкина, вывѣдать: чѣмъ гетманъ пришелъ для Москвы — другомъ, или врагомъ?

«Князь — говорилъ Телушкинъ—готовъ согласиться съ тобою, панъ гетманъ, но вотъ воровы люди подступили подъ Москву; если ты пришелъ съ добрымъ дѣломъ, то помоги противъ вора, или пошли сказать пану Сапѣгѣ, чтобы онъ пересталъ наѣзжать на Москву и жечь ее; по крайню-

сти, когда мы станемъ отбиваться отъ воровъ, королевское войско пусть не дѣлаетъ намъ помѣхи ».

Жолтѣвскій отвѣчалъ: « Я пошлю сейчасъ къ Сапѣгѣ приказъ, чтобы онъ не нападалъ на Москву, но помощи не дамъ, пока не окончится доброе дѣло въ пользу моего короля, а послѣ того я со всѣмъ моимъ войскомъ буду оберегать Москву и отъ вора, и отъ всякаго другого непріятеля ».

Салтыковъ, находившійся при гетманѣ, съ его дозволенія отправился съ своими московскими людьми оборонять столицу противъ вора *).

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъезда Телушкина, прибыли къ гетману посланцы отъ вора, нѣкто Янишевскій съ товарищи; они привезли письмо къ гетману отъ Сапѣги. Просили не мѣшать имъ, Дмитріевымъ людямъ, и запретить своему войску зачинать несогласія съ ними.

« Я — сказалъ гетманъ — прикажу своимъ стоять спокойно и не подавать повода къ ссорамъ ».

Послы объявили, что Дмитрій посылаетъ ихъ къ королю, и просили у гетмана пропуска. Они показали ему записку, которую давалъ Дмитрій королю, гдѣ предлагалъ разныя выгоды Рѣчи Посполитой и уступалъ Сѣверскую землю, но выражался объ этомъ двусмысленно.

— Это ко мнѣ не относится, сказалъ гетманъ, но я думаю, что о Сѣверской землѣ написано не такъ, какъ слѣдовало бы.

— Дмитрій, сказали послы, хочетъ прислать вашей милости поминки.

— Я, сказалъ гетманъ, не имѣю на то порученія отъ его величества, не могу ни принять его поминковъ, ни слушать его посольства, а съ Сапѣгою радъ сноситься **).

*) Рук. И. П. Б. Hist. Pol. 31.

**) Bibl. Kras. B. 1, 6.

Жолкѣвскій понялъ, что воръ не нуженъ Польшѣ, но ему хотѣлось, чтобы между королевскимъ войскомъ и поляками, служившими у вора, не дошло до открытой вражды на глазахъ московскихъ людей. Поэтому онъ писалъ къ королю, и просилъ обойтись милостиво съ посланцами вора и польскаго войска.

На другой день явился опять отъ Мстиславскаго посланецъ съ письмомъ. Жолкѣвскій сообразилъ, что время до-рого и надо дѣйствовать рѣшительно. Онъ отвѣчалъ:

«Сноситься письмами на время; пойдеть письмо за письмомъ, на письма отвѣты, на отвѣты опять письма,—и конца этому не будетъ; пусть лучше съѣзжаются съ нами бояре на переговоры».

Послѣ этого снова прѣхалъ посланецъ изъ Москвы, сынъ боярскій, Богданъ Глѣбовъ, съ извѣстіемъ, что бояре желаютъ сойтись съ гетманомъ и вступить въ переговоры, и просятъ назначить часъ. Жолкѣвскій назначилъ для взаимныхъ переговоровъ третій часъ послѣ солнечнаго восхода, 25-го іюля, на большой дорогѣ, противъ Дѣвичьяго-монастыря. Мстиславскій, получивъ это извѣстіе, прислалъ вечеромъ гетману на гостинецъ вишень и превосходныхъ арбузовъ *).

Въ назначенный часъ было первое совѣщаніе, въ разбитомъ для того нарочно, по московскому обычаю, шатрѣ. Съ Московской стороны избраны: князь Иванъ Троекуровъ съ тремя товарищами, а съ польской — двое пановъ, Балабанъ и Домарацкій, львовскій подстолий, и трое московскихъ людей, передавшихся прежде полякамъ: Иванъ Салтыковъ, князь Юрій Хворостянинъ, уже пожалованный Сигизмундомъ въ воеводы рославскіе, и Валуевъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, Домарацкій сказалъ такъ:

*) Bibl. Kras. B. 1, 6.

« Московское государство просило его величество короля оказать ему въ бѣдахъ помощь; теперь настало время исполнить ваше желаніе; не трудно вамъ получить милость его величества, о которой вы умоляли ».

Домарацкій ни слова не говорилъ о Владиславѣ.

Московскіе уполномоченные говорили: « Все московское государство только и желаетъ, чтобы имѣть государемъ королевича Владислава, и надѣется, что подъ его правленіемъ снова наступитъ золотое время для московскаго края... но съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ православную вѣру греческаго закона ».

Поляки слишкомъ считали себя побѣдителями и завоевателями и недружелюбно принимали вообще предложенія условій. Домарацкій замѣтилъ, что это надобно предоставить самому королевичу—невозможно насиліемъ заставить его отречься отъ римско-католической вѣры!

Бояре рѣшительно повторили, что королевичъ не можетъ быть царемъ, если не приметъ греческой вѣры.

Домарацкій, чтобы не довести до ссоры на первый же разъ, сказалъ, что объ этомъ надобно поговорить главнымъ боярамъ съ самимъ гетманомъ. Балабанъ былъ самъ греческой вѣры, и увѣрялъ ихъ, что святая вѣра не будетъ нарушена. Его голосъ тогда успокаивалъ московскихъ людей и располагалъ къ согласію *).

Во время переговоровъ издали стояла большая толпа московскихъ дворянъ; когда совѣщатели стали расходиться, подошли они и объявили громогласно: « Мы все желаемъ, чтобы царемъ нашимъ былъ Владиславъ, и надѣемся, что въ Московскомъ государствѣ водворится тишина и благоденственное житіе. Но только нашъ новый царь непременно долженъ быть греческой восточной вѣры ».

*) Bibl. Kr. B. 1, 6.